Автор: admin
19.09.2010 14:36 -

Буквально недавно в беседе с матушкой зашла речь о воспоминаниях из детства, и вспомнился ряд ярких эпизодов, в чем-то схожих.
Первый — ещё из детского сада. В рамках каких-то игр, вроде как между группами, было задание, типа головоломка. Большая картинка с фруктом разрезана на четыре части, кусочки перемешаны, надо собрать фрукт обратно. Мне задание казалось элементарным, однако наблюдение за товарищами показало, что так кажется далеко не всем. Смутно припоминается, что были какие-то ещё эпизоды, связанные с моим недоумением по поводу того, что кто-то что-то может не понимать, но ярко запомнились только эти фрукты. Может быть, потому, что это была по сути командная игра, больше впечатлений в целом было.
Второй эпизод относится к первому классу. Задания на дом мы записывали в блокнотики, и тем, кто не умел писать, классная руководительница записывала задание сама, первоклассникам оставалось только передать этот блокнот родителям. Но сия дама в целом сразу приучала народ писать самостоятельно, даже если товарищи не въезжали, что они там карябают. Так вот, когда классная вещала на тему как писать букву «с» (как сокращение от страница), я откровенно скучала. А глядя на заинтересованные лица одноклассников, смутно догадывалась, что скучать мне придется ещё год.
Потом то ли в первом, то ли уже во втором классе нас потихоньку начали переводить с тетрадей в косую линейку на обычные. Выглядело это так. В один прекрасный день классная руководительница заявила, что всем, кто хорошо пишет, можно будет писать в тетрадях в обычную линейку, объявила двух первых особо талантливых — отличницу Катю и тихого-прилежного мальчика Никиту, записала их имена на бумажку и повесила на боковую доску, пообещав приписывать туда всех, кто будет писать аккуратно. Не то чтобы отсутствие моего имени в списке было для меня трагедией, но ощущение того, что я, такая умная и талантливая, не принадлежу к богеме, имеющей право писать в других тетрадках, заставило меня в кратчайшие сроки перейти от писания в стиле «как курица лапой» к аккуратному почерку. В листочек я попала в первой десятке и получила свое право чувствовать себя круче тех, кто все ещё пишет в тетрадке в косую линейку.

На день города основная движуха у нас происходит в таком дивном месте, как Старый аэропорт. Когда-то город кончался в этом районе, аэропорт построили, что-то с него даже летало, а потом и сам город разросся, слился со стремительно растущим рабочим поселком Бежица, этот аэропорт забросили и построили новый, подальше от города. В итоге у нас практически в центре города имеется огромное поле. Это поле все хотят застроить, даже устраивали какие-то конкурсы на тему лучшего плана застройки, но до сих пор как-то не видно активных шевелений на тему.
Так вот, на день города на краю этого огромного поля организуют сцену, где выступает в среднем три приглашенные команды. Надо сказать, что масштаб аэропорта позволяет параллельно проводить в том же поле лошадиные бега, полеты на парапланах, пикники и прочее, и все равно ещё полполя остаются невостребованными. Группы привозят чаще всего так: первая — разогрев, что-нибудь не слишком известное и больше интересное старшему поколению. Потом — поп-музыка. И в качестве финала, с девяти до одиннадцати вечера — хорошая рок-группа. Бывая в других городах, не раз с чувством

затаенной гордости сообщала народу, что «А вот у нас на днях города Ария и Парк Горького выступали», и все сразу говорили «Уууууу! Круто!».
И вот как раз о годе эдак 2006-ом, когда как раз приехала Ария, и пойдет речь. Я тогда училась в десятом классе. Приезд сией группы был эпохальным событием в жизни многих любителей как отечественного рока, так и рока и метала вообще. Ещё бы — такая крутая группа выступает на открытой площадке города. И хотя Кипелов уже покинул сию группу, их громкому имени это не повредило, и ещё во время выступления поп-группы подступы к сцене начали занимать суровые фанаты Арии, оттесняя простой люд. Я совсем к сцене не полезла, наблюдала издалека. Где-то треть песен я не знала, но это совершенно не мешало тащиться и колбаситься.
И вот пришло время финальной композиции. Что это будет — было ясно как божий день. Пока Кипелов терзал сердца тем, что он свободен, Ария раскачивала стадионы волей и разумом. С первыми аккордами песни «Воля и разум» за спинами слушателей, где-то из середины Старого аэропорта, начался праздничный салют. Ярым фанатам, торчавшим у сцены, этот салют был до лампочки, остальная же публика, став в пол-оборота к сцене, задрала головы к небу. При этом не переставая подпевать и колбаситься. Салют длился на протяжении всей композиции, разве что кажется до конца чуть не дотянул. Это было дико круто — орать в ночное небо, раскрашенное салютом, «ВОЛЯ!» (бдыщ — ещё один залп в небо) «И РАЗУМ!» (бдыщ, бдыщ)
Конечно, есть всякие фестивали, на которых все, пожалуй, покруче будет, но тогда я ещё не знала ни о европейских фестах, ни даже о Нашествии. И это было дико круто.

Недавняя смерть Ронни Джеймса Дио, царя и бога хэви-метала, всколыхнула ряд воспоминаний о том, как я вообще пришла к метал-культуре.
Вообще в детстве музыка вокруг меня была представлена преимущественно джазом и качественной зарубежной поп-музыкой. Причем джаз мама сама играла на пианино. Моими любимыми кассетами в детстве в разное время были и русская поп-музыка, и русский рок, высоко ценимый братом мамы, и джаз, и даже классическая музыка в лице «Лебединого озера». До тех пор, пока я не нашла для себя Rainbow. Группу эту слушал мой отчим, которого я очень высоко ценила и восхищалась им, и вообще многое в его поведении считала высшим идеалом. Вообще у него была тщательно собранная полная дискография сего детища Ричи Блэкмора, но заценила я как следует эту группу уже когда сией прекрасный человек перестал жить с нами, и у нас в квартире остался только сборник лучшего. Мысль о том, что we believed we'd catch the rainbow, прочно обосновалась в моем юном сознании. Было мне тогда лет двенадцать.
Однако что бы мне не предлагали ещё, в чём-то сходного — ничто не цепляло. Русский рок мне был в общем-то перпендикулярен, слушала я его только потому, что не знала, что бы слушать ещё, и восхищалась только потому, что не знала, чем бы ещё восхищаться. Рок- и метал-баллады были мне скучны, Scorpions, Nazareth и сходные — неинтересны. Особняком стояла рок-опера Jesus Christ Superstar, но слушать по очереди два диска — Rainbow и эту рок-оперу было неинтересно и довольно-таки глупо. Я уже готова была разочароваться в музыке, как на горизонте появилась метал-опера Avantasia. Её дала мне послушать подруга. Откуда она появилась у неё — точно не помню. Однако музыка эта, которая, как я узнала позднее, относится к симфо-пауэр-металу, понравилась мне неимоверно. Уже потом выяснилось, что у нас была только первая часть этой прекрасной метал-оперы, и та неполная, но тогда было

совершенно все равно. Эта музыка казалась божественной.
Через некоторое время в плане интернета мы ушли с диал-апа и подключились к одной стремительно растущей региональной сети. Обмениваться информацией внутри сети можно было неограниченно. Я быстро освоила местный торрент-трекер, и, поскачивав фильмы, взялась знакомиться со стилями музыки методом тыка: выбирался произвольный стиль из имеющихся на трекеры, скачивалось 3-4 альбома этого стиля, скачивалось, дегустировалось. Таким образом я случайно скачала свежий альбом монстров симфо-пауэра Rhapsody (тогда уже of fire). Музыка начала обретать смысл.
В одиннадцатом классе по моей просьбе порекомендовать хорошей музыки одноклассник притащил дискографии Iron Maiden и Helloween. Я окончательно убедилась, что хорошая музыка есть, такая, которая реально поднимает и пинками гонит в светлое будущее. Через где-то полгода я открыла для себя ласт.фм и поиск по похожим исполнителем. Количество музыки у меня на компьютере резко увеличилось. Мнение о жизни и принципы мои всегда были близки к металу, так что я окончательно влилась в субкультуру.

Вот, например, есть в моем сознании такая категория граждан, как религиозные фанатики. Причем объектом культа может служить не только собственно религия или какая-либо её часть, но и что угодно другое. Например, памятники. Или скверы. Или ещё что-нибудь теоретически социально значимое. Как правило, культ основывается на морали.
Религиозных фанатик характерен тем, что готов костьми лечь, но отстоять свою бессмысленную точку зрения, в которую сам толком не верит. И если вы не дай бог сделали что-то альтернативное — залегайте ногами к эпицентру. Точнее, так: даже если это что-то альтернативное делают все подряд каждый день по нескольку раз, но вы на этом попались (при том, что этот религиозный фанатик вам до этого, безусловно, доверял, и верил в вашу чистую душу) — вы не только получите разнос по всем пунктам, но ещё и будете заклеймены недостойным и навсегда вычеркнуты из списка ценных для общества людей.
И слава богу, собственно.
Например, атаке религиозных фанатиков я подверглась, когда, дабы толкнуть речь перед народом, пришедшим на организованную мной акцию, залезла на монумент в честь скольки-то-там-летия Великой победы. Или армия какая-то была построена на этом месте... В любом случае, по этому монументу народ ходит стадами, потому как он встроен в основание холма. Тем не менее, после того, как я на этом монументе культурно постояла с краюшку и была пару раз сфотографирована, человек десять сочли нужным написать мне, что надо же, елки-палки, уважительно относиться к объектам культуры, тем более не к каким-нибудь там Пушкиным и Лениным, а к монументу в честь Великой Победы!
Застрелиться.
Интересно, что религиозный фанатик, подвергнув обливу грязью одного человека, чаще всего либо самого слабого, либо условно главного, чувствует глубокое моральное удовлетворения от осознания принесенной обществу пользы. Факт того, что в мире от этого ничего не изменилось, то ли не доходит до их сознания, то ли не осознается в полной мере. Да и пользу они пытаются принести... сомнительную. Существует миллион

проблем куда важнее.
Такого же типа люди способны удавить маленькую девочку, оборонившую фантик от конфеты, в рамках борьбы за чистоту, и равнодушно пройти мимо компании пьянствующих подростков, обильно усеивающих всё вокруг себя бутылками, бычками и прочим мусором. Затаить злость и... естественно отыграть потом на ком-нибудь слабом, чтобы не было стыдно за то, что к пацанам несколько стрёмно подходить.
В общем, странные люди. Лучше бы дрова кололи, что ли...

По собственному опыту получается, что историю России в школьном плюс институтском курсе изучают три раза (с последовательным погружением на все большие глубины творившегося в нашей стране), Европы — полтора раза, всего остального мира — если крупно повезет. И то разве только Америки. Ладно уже Африка и Австралия, но Китай, Индию и Японию уже можно было бы изучить.
Тем не менее растущие организмы изучают исключительно Россию. Видимо, считается, что если три раза повторить — хоть что-нибудь да останется. Практика показывает, что лучше всего историю знают те, кто читал романы Дюма. Соответственно историю Франции, а не России.
И если факты из истории родной державы учителям удается вдолбить в ветреные головы своих подопечных, то они же сами стонут и воют от того, что при вопросе «А что в это время происходило в Европе?» максимум, что отражается в глазах учеников — вежливая заинтересованность. Даже общие знания, из которых можно было бы сделать предположение, отсутствуют. Потому что история Европы проходит конкретно сбоку.
Итак. Во-первых, мне не ясно, какого, собственно, рожна так настойчиво изучать историю России. Да, понятно, что весьма неплохо бы эту информацию знать, но не проще ли изменить методику подачи материала, а не рассказывать одно и то же три раза? Например, школьники с удовольствием обсуждают то, как древляне натуральным образом порвали князя Игоря, как Иван Грозный в весьма нежном возрасте приказал затравить неугодного товарища собаками, и как Керенский сбежал из Зимнего в женском платье. Грамотное оперирование интересными массам фактами способно привести к эпохальным результатам. В конце концов, почему читатели Дюма так хорошо знают историю Франции? Интересно писал, однако. И грамотно вворачивал в развитие событий исторические факты.
Во-вторых, а чем плоха история Европы по сравнению с историей России? Историю России вообще, на мой взгляд, несколько глупо изучать в отрыве от истории Европы. Надо знать, что происходило за кордоном, как происходило и когда происходило. Однако, видимо, предполагается, что эту информацию школьники запоминают с одного раза. В отличие от истории России, которую обязательно надо ещё несколько раз повторить. А ведь в Европе было ещё больше интересных событий, чем в России. Одна Екатерина Медичи и её изысканные яды чего стоит.
А ещё мне кажется, что «Войну и Мир» надо читать на истории, а не на литературе. И говорить об исторических событиях, а не о том, что именно хотел сказать Лев Николаевич в такой-то главе или таким-то образом. Все, что он хотел — он сказал, и масштабно так сказал. Описание же военных действий и собственно исторические фрагменты в школьном курсе литературы не рассматриваются. Так что их тем более никто не читает. Итого — как не знали историю, так и не знают. Зато целый час

анализировали образ капитана Тушина.
А ведь столько всего действительно интересного... и о нём никто ничего толком не знает.